

Беседа с директором Дома русского зарубежья

Поэт и переводчик Наталья Крофтс беседует о сегодняшнем и завтрашнем дне Дома на Таганке с его директором и одним из основателей, Виктором Александровичем Москвиным.

— Дом русского зарубежья — в Ваших глазах, что это, прежде всего: архив, библиотека, музей?..

— Я отвечу на вопрос вопросом: «А что такое русское зарубежье?» XX век дал нам две России: одну — в границах, а другую — вне границ, в рассеянии. Причем эта вторая Россия огромна: тут уже и не посчитаешь, как прежде волнами, сложилась она в результате катастрофы XX века, включивший в себя революционную смуту, Гражданскую войну, террор, Вторую мировую войну, эмиграцию шестидесятых-восьмидесятых годов, распад Советского Союза и отъезд огромного количества людей уже по чисто экономическим причинам в девяностых и нулевых годах... В каждый из этих периодов «вторая Россия» увеличивалась, и теперь это — более 30 миллионов человек. То есть почти Польша, скажем, или вся Скандинавия и Прибалтика вместе взятые.

Это — временами тяжелейшая, но очень насыщенная жизнь, особенно в начальный период, давшая русской истории и русской культуре неисчислимые сокровища в книгах, фильмах, газетных публикациях; развитие совершенно уникального явления — русской религиозно-философской мысли, которая не только является вершиной для русской философии XX века, но и значима для мировой философии. Это блестящие ученые, прекрасные инженеры, работавшие во многих странах мира. И если говорить о политической эмиграции, то для многих из этих людей главным было служение России: они мечтали вернуться на родину. Вспомним их традиционный новогодний тост: «Чтобы следующий Новый Год встретить дома, в России!»

Большинству не суждено было вернуться, дожить до окончания большевистского периода. Но у них появилась возможность вернуться книгами, архивами, заполнить советское беспамятство своей Памятью, своим свидетельствованием. Именно для этого был создан наш Дом. С одной стороны, чтобы осуществить то, о чем мечтали миллионы людей: помочь вернуться. И, с другой стороны, для того, чтобы сохраняя, обрабатывая, включая в жизнь современной России эти бесценные материалы, сделать так, чтобы катастрофа, обрушившиеся на нашу страну, уже не могли повториться. Это своеобразная прививка для России на будущее. Сама историческая жизнь страны должна быть устроена по-другому.

Мы говорим о главных, глубинных задачах нашего Дома. Для этого мы создали многофункциональный центр, включающий библиотеку, архив, музей, научный институт, издательство, киностудию и книжный магазин.

Почему я считаю, что наша работа очень важна? Представительство многомиллионной Зарубежной России здесь, в России теперешней — это только мы плюс небольшие отделы, сектора в различных архивах и музеях. Этого крайне мало. Поэтому мы стараемся вести достаточно широкую деятельность в разных направлениях. Для нас главное — сохранить память и о событиях XX века, и в целом о русской истории. Ведь уходя в изгнание, люди часто увозили с собой самое дорогое, что у них было: семейные реликвии, фотографии, документы. И в этом очень большое отличие от тех людей, что уезжают сейчас.

— В таком случае возникает вопрос: какими хронологическими рамками Дом русского зарубежья ограничивает свою деятельность? Ведь есть очень большая разница между теми волнами эмиграции, которые уезжали безоглядно, были отрезаны от России — и теми, кто уезжает сейчас: последние всегда могут вернуться, будь то в гости или навсегда.

— Это сложный вопрос. Понятно, что мы стараемся, прежде всего, работать с наследием эмиграции советского периода. Но наш Дом открыт для всех. Конечно, если человек уезжает с родины и рвет все, старается забыть Россию и как можно быстрее адаптироваться в новом мире, то о таком человеке мы можем только сожалеть и, безусловно, он потерян для России, для русской культуры — и нашему Дому не интересен.

Правда, дети и внуки могут потом вспомнить свои корни, что тоже бывает нередко. В 2012 году мы проводили выставку «Русское культурное наследие, сохраненное во Франции». И в рамках этой выставки прошел круглый стол о французских писателях, которые писали по-французски, но имели русские корни. И вот когда мы стали изучать эту тему, то оказалось: есть люди, которые родились во Франции, воспитаны на французской культуре, многие из них не знают русского языка, но, как это ни удивительно, русский след в их творчестве достаточно силен. Скажем, несколько лет назад сюда приезжал Морис Дрюон, крупнейший французский писатель. Он не говорил по-русски, но как его интересовала Россия! Он приезжал сюда уже очень пожилым человеком, незадолго до смерти — и ездил в Оренбург, откуда родом его предки. А на нашем вечере он вспомнил русскую песню, которую слышал в детстве.

В наше время отношение к России меняется. Вот, например, наши американские друзья рассказывают, что когда люди уезжали в 1990-х годах, они старались, чтобы их дети вообще не учили русский язык. А сейчас в одном только Вашингтоне есть пять русских школ, причем это информация двухгодичной давности — сегодня их, может быть, и больше. Люди стали понимать, что Россия — это страна, у которой есть неплохие перспективы; и если ребенок владеет несколькими языками, то он получает конкурентные преимущества. Поэтому появляются русские школы, появляется интерес к изучению русского языка, интерес к русской культуре. К счастью, в разных странах есть очень много людей, которые уехали сравнительно недавно, но активно занимаются сохранением русской культуры.

— Дому уже 17 лет. Какие самые большие достижения за время его существования?

— Их много, потому что за эти годы очень выросли фонды. Начинали-то с ничего, с чистого листа, а за эти годы одних только музейных предметов поступило свыше шестнадцати тысяч. У Дома сейчас огромное количество архивных фондов, очень интересных: здесь и архив великого князя Николая Николаевича, и архив князя Гавриила Константиновича Романова, архив и библиотека Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско, огромный архив Общества по охране русских культурных ценностей, который мы получили из Франции. Там есть потрясающие материалы: например, рисунки Бенуа, рисунок Шаляпина. Шаляпин, кстати, замечательно рисовал.

Недавно мы проводили выставку к 200-летию Отечественной войны 1812 года, на которую были приглашены потомки участников войны из разных стран, всего двадцать пять человек. На выставке, основанной исключительно на дарах, нам переданных, мы показали уникальные рисунки: они были выполнены в 40-х годах XIX века наследником престола, великим князем Александром Николаевичем, будущим Александром II. Это блестящая реконструкция русской военной формы, в том числе и формы войны 1812 года. Этот дар мы получили из Сан-Франциско, от семьи Томичей; и только здесь, в Москве, когда мы пригласили специалистов, стало ясно, что это — рисунки Александра II. От той же семьи мы получили самую большую в России коллекцию по истории русской дореволюционной авиации: фотографии всех русских летчиков до революции и даже членский билет Императорского Всероссийского аэроклуба за номером один. Потомок героя Отечественной войны 1812 года генерала Ланжерона — Дмитрий Николаевич Андро де Ланжерон — передал из семейного архива несколько писем Людовика XV. И о таких дарах можно рассказывать долго.

Музейные, архивные, книжные собрания Дома - это дары более чем двух с половиной тысяч людей из разных стран мира. В США, например, уже 15 лет работает «Комитет «Книги для России». Благодаря подвижнической деятельности председателя комитета Л.С. Флам-Оболенской и ее коллег наши фонды пополнены десятками тысяч книг, архивных документов, музейных предметов.

Отрадно, что в Австралии уже десятки людей, организаций, которым близка работа Дома русского зарубежья и которые уже передали ценные материалы для наших фондов. Это и члены Русского исторического общества в Австралии под председательством П.С. Татаринова, и Русский клуб в Стратфилде (председатель Н.А. Агишев), и члены редколлегии журнала «Австралиада» во главе с Н.А. Мельниковой, и И.Н. и Т.С. Гартунг (Сидней), Г.Г. и Е.А. Садильниковы, Т.А. Малеевская (Брисбен), Е.А. Косицина (Канберра), К.А. Мейснер, М.Н. Чуркин (Аделаида), Н.Н. Якубовский, О.А. Арбузова (Мельбурн) и многие, многие другие. Например, от Александра Евгеньевича Жилинского мы получили фрагмент шали, которую дочери императора Николая II связали в подарок царевичу Алексею. Эта шаль была найдена в Ипатьевском доме и передана великой княгине Ксении Александровне, сестре императора. От Тамары Александровны Вентуры-Ладуски мы получили кулон работы Фаберже, принадлежавший самой Ксении Александровне. От Галины Игнатьевны Кучиной мы получили траурную вуаль вдовствующей императрицы Марии Федоровны. К великому сожалению, недавно ушли из жизни поэт О.М. Козин, биолог Н.Н. Доннер, но память о них будет жить в нашем доме, а значит в России.

— **А у вас были выставки по австралийскому наследию?**

— Скоро проведем! Пока мы проводили выставку русских книг, изданных в Австралии, что было очень интересно, поскольку подборка книг была достаточно широкая.

— **Насколько я знаю, в Австралии за пятьдесят лет, с 1950-х годов по 1990-е, вышло более сотни русских книг. Этим вопросом занималась Наталья Анатольевна Грачева-Мельникова, и в конце прошлого века издание «Австралиада» выпустило собранную ею библиографию.**

Но возвращаясь к архиву Дома русского зарубежья: какого плана материал вас интересует, что вы ищите?

— Нас интересуют материалы очень разные. Если говорить о музейных предметах, то это вещи, свидетельствующие о жизни русских в эмиграции: фотографии, различные документы, предметы обихода. Иногда какой-то абсолютно бытовой предмет может о многом рассказать: ведь он важен не только с точки зрения материальной значимости, но и с точки зрения истории. Скажем, ложка или портсигар, прошедшие со своим хозяином через Гражданскую войну, побывавшие в Галлиполи и далее, достаточно важны и для тех, кто смотрит экспозицию, и для тех, кто этот период изучает.

Но, к сожалению, нередко мы узнаем о потерях ценных архивов. Когда люди умирают либо переезжают, за ненадобностью старые бумаги, документы, фотографии просто оказываются в контейнерах для мусора.

Таких историй я могу привести множество. Например, если человек — в доме престарелых, то поразительным образом часто ничего не сохраняется. Во Франции живет хороший друг нашего Дома Николай Николаевич Рутыч. Он дружил с полковником Колтышевым, бывшим порученцем Деникина. Петр Колтышев жил в доме престарелых в Сент-Женевьев-де-Буа. Незадолго до смерти он передал Николаю Николаевичу письма Деникина — и тот их отдал нам, а это свыше шестисот писем. Но если бы Рутыч не забрал эти письма, они просто могли бы исчезнуть для русской истории.

С книгами дело обстоит лучше: большинство книг, изданных в русском зарубежье, у нас уже есть. Все-таки, книги люди хранят, а вот газеты... Не так давно отец Николай Солдатенков из Франции передал нам несколько номеров газеты «Курские вести» за 1919 год. Белые взяли Курск и удерживали его чуть больше месяца; за это время они наладили

выпуск газеты — и этой газеты, я думаю, уже больше нет нигде, чудом сохранились эти номера. Другой пример: у нас хранятся рукописные номера журнала, который русские издавали в Аддис-Абебе. Газеты, листовки — это большая редкость: их люди обычно не хранят, а мы очень заинтересованы в таком материале.

Правда, у нас были и истории неожиданных находок архивов. Я говорил уже, в свое время мы получили очень большой дар из Сан-Франциско — библиотеку Общества ветеранов Великой войны. Она была создана в 1920-х годах в Сан-Франциско участниками Первой мировой или, как у нас называют, Великой войны и комплектовалась вплоть до падения советской власти. Огромная библиотека, свыше двенадцати тысяч томов. Когда она создавалась, то председателем Общества ветеранов Великой войны был генерал Алексей Павлович Будберг, который долго служил на Дальнем Востоке, в 1914–1917 годах воевал против немцев, а в Гражданскую войну был рядом с Колчаком. Мы решили сделать о нем фильм, а когда почти фильм закончили, неожиданно нашли его правнуков. Они уже не говорят по-русски, но сохранили дедушкины материалы — и мы теперь дополняем фильм об этом удивительном человеке.

Конечно, нас интересуют и картины, и скульптура: мы сейчас специально строим здание музея, где будут представлены работы русских художников и скульпторов. Кроме того, для нас очень важны кинозаписи, даже чисто бытовые: например, киносъемка свадьбы русских людей или какого-то вечера 1930-х годов. Она важна, даже если там нет каких-то известных людей.

Наш Дом отличается тем, что мы продолжаем линию Александра Исаевича Солженицына: когда он собирал документы, то просил присылать воспоминания не только видных представителей зарубежья — профессоров, генералов, но и воспоминания простых солдат, крестьян, инженеров, техников. Коллекция нашего фонда мемуаров, начало которой положил Солженицын, сейчас составляет более двух тысяч единиц — и там, с одной стороны, есть воспоминания Милюкова, а с другой стороны воспоминания простого солдата, который бесхитростным языком описывает свою жизнь. И это очень интересно, поскольку мы видим совсем другую точку зрения: как происходящее воспринималось сослуживцами, однополчанами, семьей простого солдата. Например, у нас есть воспоминания телеграфиста, который 25 октября 1917 года, во время переворота, был на телеграфе в Петрограде. Это тоже — часть истории, такие воспоминания воссоздают для исследователей общую картину.

У нас есть еще один очень важный принцип: профессионально мы вне каких-либо политических пристрастий. Потому что Россия в зарубежье — это полный срез дореволюционной России во всем ее политическом многообразии: у нас хранятся, с одной стороны, архивы императорской фамилии, а с другой стороны — архивы людей, принадлежавших к партии эсеров. Мы стараемся представить русскую жизнь во всей полноте, чтобы выводы делали не мы, а историки, исследователи, которые используют и будут использовать наши материалы. Как интерпретировать то или иное событие — уже их задача.

Это касается и современной политической жизни России: мы стараемся держаться вне политики.

— Получается?

— Да, получается. Ведь часто к России относятся предвзято; например, говорят о цензуре. Но вот наше издательство существует с 1991 года, и за двадцать один год ни разу не было, чтобы кто-то из начальства позвонил и спросил: «А что это вы там такое напечатали?»

Правда, был эпизод, когда мы опубликовали книгу Солженицына «Россия в обвале»: тогдашняя администрация президента Б.Н. Ельцина немедленно прислала к нам налоговую полицию. Когда же мы им объяснили, что книжка уже в продаже и их труд будет бесполезным, они ушли, как говорится, несолоно хлебавши. А более не было ничего.

И фильмы мы делаем, и вечера мы проводили — и никто никогда не вмешивался. А вечера были очень разные: был, например, вечер, где обсуждался феномен армии Власова, выступали авторы, разделяющие позицию генерала Власова. Или был вечер, где говорили о чилийском генерале Мигеле Краснове, который был одним из помощников генерала Пиночета и приговорен сейчас чилийским судом к тюремному заключению. И здесь тоже не было никакой реакции правящей стороны; только чилийское посольство прислало своего наблюдателя.

Поэтому, честно говоря, мы в этом плане свободны.

— **Виктор Александрович, а каковы планы развития вашего Дома?**

— Их много. Сейчас мы планируем строить еще одно здание; оно будет большим, более шести тысяч квадратных метров, и там будет создан первый в России музей русского зарубежья. В плане технического оснащения это будет очень современный музей, в котором традиционная экспозиция будет сочетаться с мультимедийными возможностями — интерактивными картами, различного рода визуальными материалами, что позволит достаточно полно рассказать о жизни эмиграции... Хотя, конечно, из-за размаха исторического и территориального, невозможно показать всю эмиграцию полностью — все равно будет мозаика. Но нам хотелось бы, чтобы эта мозаика была достаточно представительной, поэтому мы и заинтересованы в новых материалах.

И, конечно, мы каждый год проводим много научных конференций. В следующем году будет четырехсотлетие дома Романовых, и мы собираемся устроить большую выставку и конференцию, посвященную роли Романовых в русской благотворительности и меценатстве. Это тоже интереснейшая тема, причем нам хотелось бы поговорить о благотворительности и меценатстве не только периода правящей династии, но и до наших дней, потому что немало членов дома Романовых продолжают заниматься благотворительностью и сейчас.

— **Планируете ли вы какие-либо мероприятия в Австралии?**

— Да, мы собираемся вновь побывать в Австралии в 2013 году: наши сотрудники будут проводить встречи, концерты; возможно, устроим выставки. Кроме того, мы готовы устраивать показы фильмов: у нас уже было семь международных кинофестивалей русского зарубежья. Но в основном это будет рассказ о Доме.

У нас в Австралии много друзей — и, конечно, ожидается совместная работа по сохранению материалов, по их передаче в Дом русского зарубежья. Сейчас мы разрабатываем более конкретную программу посещения Австралии.

— **Виктор Александрович, по роду занятий Вы постоянно встречаетесь с очень интересными людьми, узнаете о потрясающих судьбах. А что лично Вам больше всего запомнилось? Конечно же, мы не сможем поговорить обо всех замечательных людях, которых Вам довелось узнать — но расскажите, пожалуйста, хотя бы о двух-трех «открытиях».**

— Действительно, трудно выбрать какую-то одну судьбу. Но вот я хотел бы рассказать немного о нашем соотечественнике Александре Матвеевиче Понятове. По-моему, это невероятно интересная судьба. Родился он в 1892 году в деревне Русская Айша в Татарии, под Казанью, в семье богатого крестьянина. Наполовину семья была старообрядческая, и поскольку отец был состоятельным, он отправил сына учиться в гимназию, в Казань. После гимназии он поступает в Казанский университет, переводится в Москву в Императорское техническое училище, а затем из Москвы уезжает в Германию, в Карлсруэ. Начинается Первая мировая война — и Александр Матвеевич нелегально переходит бельгийскую границу, уезжает в Россию и становится морским летчиком. В Гражданскую войну Понятов служит у Колчака и заканчивает войну в чине полковника. Потом — Китай, работа в электроэнергетической компании и переезд в Штаты.

А в 1944 году Александр Матвеевич создает в Калифорнии фирму «АМРЕХ»: «А» от «Александр», «М» от «Матвеевич», «П» — от «Понятов», а «ех» — от английского «excellence», которое по-разному переводят, либо как «высокое качество», либо как «его высокопревосходительство». Он заключает контракт с военным ведомством на разработку радаров, а в 1945 году получает из Германии трофейные чертежи магнитофона: немцы проводили какие-то исследовательские работы. Понятов дорабатывает эти чертежи — и в 1946 году выпускает в массовое производство бытовой катушечный магнитофон, с которым мы все хорошо знакомы.

В 1956 году он выпускает первый в мире видеомагнитофон, и все нынешние электротехнические киты — «Panasonic», «Sony», «Samsung» и др. — у него покупали патент. И точно так же, как в наши дни в России, когда нужно скопировать какой-то материал, говорят «отксерить», от названия компании «Хегох», так в 1950–70-х годах, когда надо было создать копию видеоизображения, говорили «ампексировать», причем по всему белому свету — от названия фирмы «Амрех».

В период расцвета компании там работало более двадцати тысяч человек, было много филиалов в разных частях мира — и Понятов приказал перед каждым филиалом сажать березки. Безусловно, он очень жалел, что не мог ничего передать в Россию. Детей у него не было, а мы только сейчас стали заниматься подготовкой выставки и фильма — и обнаружили, что его личный архив не сохранился. Остался только производственный архив, который хранится в Стэнфорде. А ведь он занимался не только научной, инженерной деятельностью — он также занимался широчайшей благотворительностью.

Сейчас мы заканчиваем фильм, который будет показан по федеральному российскому каналу, по РТР, и всей России наконец-то станет понятно, кому мир обязан видеомагнитофоном.

Много есть потрясающих людей. Я в свое время уговорил правнучку Пушкина Наталью Сергеевну Шепелеву напечатать свои воспоминания. Она родилась в 1904 году, а умерла в 1999, в 95 лет, несколько дней спустя после того, как увидела напечатанными свои воспоминания. Удивительнейший человек! Ее крестным был дедушка, старший сын Пушкина, Александр Александрович. Умер он в 1914 году, когда Наталье Сергеевне было десять лет и она его, естественно, прекрасно помнила: она была любимой внучкой Александра Александровича. Это было незабываемая встреча: говорить с Натальей Сергеевной, которая прекрасно знала сына Пушкина, а поскольку тот был старшим, то отца он тоже помнил. Вот так неожиданно сократилось историческое расстояние.

Кроме того, были просто очень яркие эпизоды. Например, приехал на одно мероприятие из Сан-Франциско Владимир Гранитов. Идет обсуждение, встает Владимир Владимирович и говорит: «Позвольте представиться, поручик Гранитов». Четко изложил свой взгляд, а потом еще должен был куда-то ехать. Я его подсаживаю в автобус — все-таки ему уже девятый десяток — и сжимаю плечо. Он морщится — но ничего не говорит. А потом оказывается, что он перед этим упал и у него был перелом; но несмотря на сильнейшую боль, он даже вида не подал, а продолжал делать дело, ради которого приехал. Вот это категория людей!

— Виктор Александрович, большое спасибо за изумительно интересную беседу. Когда я слушаю Ваши рассказы об удивительных судьбах русского зарубежья, вспоминаются строки старейшего русского поэта Австралии Норы Крук: «Я хочу, чтоб в ладонях осталась память». Спасибо Вам за то, что Вы помогаете эту память сохранить.

Беседовала Наталья Крофтс